

и не произошло, несмотря на появление новых театров, которые старались подражать МХАТу: Бродвей, став технически совершеннее, продолжает процветать, причем киноиндустрия Голливуда переняла его методы работы.

И у нас сейчас происходит то же самое. А не означает ли это, что, перейдя на методы работы «коммерческого театра Бродвея» и потеряв то ценное, чем богата наша театральная культура, мы больше никогда не сможем найти дорогу обратно? Посмотрев очередную современную театральную постановку, которая насквозь механистична и похожа на букет искусственных цветов, видишь, чего действительно не хватает, что утеряно модерниста-

ми. За мельканием эффектов, декораций, костюмов и «звезд» – запах денег, а не запах живых цветов, которыми благоухал русский театр.

Как никогда ранее важно вернуться к ценностям русской театральной культуры, способствовать их возрождению.

Литература

1. Станиславский К. С. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М., 1955. С. 310.
2. Театральный альманах. М., 1947. С. 36–47.
3. Станиславский К. С. Статьи. Речи. Беседы. Письма. М., 1953. С. 262.
4. Там же. С. 148.

M. S. ZHURKOV. DIRECTOR'S THEATER IN CONDITIONS OF POSTMODERNISM

The author of the article considers the value of K. S. Stanislavsky's system in theatrical culture at the beginning of the XX century and in the context of postmodernism epoch.

Key words: Stanislavsky's system, theatre culture, postmodernism.

К. А. СЕМУШИНА

ТРАДИЦИИ НАБΟКОВСКОГО МИФА О ПУШКИНЕ В ПОВЕСТИ А. Г. БИТОВА «ФОТОГРАФИЯ ПУШКИНА»

В статье рассматривается развитие пушкинского мифа в текстах В. В. Набокова и А. Г. Битова.

Ключевые слова: В. В. Набоков, А. Г. Битов, пушкинский миф, знак, демифологизация, архетип.

Посредством готовых мифологических систем литература творит мифы изнутри собственных текстов. Мифическая оболочка, созданная вокруг имени А. С. Пушкина, присвоенный ему ярлык «культурного героя» повлияли на дальнейшее развитие тем и образов «пушкинских» текстов в русской литературе.

В 1937 году В. В. Набоков пишет эссе «Пушкин: правда или правдоподобие». В нем предпринята попытка прорваться в эпоху поэта, чтобы увидеть его настоящего, живого, потому что сто лет со дня его смерти не прошли бесследно – создали множество мифов, которые сделали образ поэта смутным и неясным.

«А какое наслаждение для мечты русского проникнуть в мир Пушкина!» [1] – и вот Набоков отправляется в прошлое с целью восстановить облик поэта, в первую очередь, но также с мыслью: а что сказал бы живой Пушкин о нас? Отодвигаясь в эпоху Пушкина, мы обретаем возможность взглянуть на себя его глазами. В функции приема отразился характерный для критической рефлексии писателя ретроспективно-проекционный взгляд (по его словам, – «прожектор обратного освещения»: чтобы увидеть настоящее в его действительном значении, надо отойти в прошлое), примененный для оценки литературных явлений. Среди проводников в мир прошлого – память и воображение; для Набокова значима созидательная роль памяти в процессе творчества.

Мифологический подтекст набоковской версии проглядывает в библейском возрасте его героя («совершенно неправдоподобного возраста»), который по мере прогрессирования болезни, отда-

лся «все быстрее и быстрее по склону времени» во все более глубокое прошлое, где время и пространство совпадают. Дистанцируясь от автора беллетризированной биографии, который переходит в далекое прошлое так же легко, как переходит бульвар, Набоков называет своего повествователя «украшением сумасшедшего дома» [2].

Вспомнить живого поэта невозможно. Задавшись целью проникнуть в эпоху Пушкина, Владимир Набоков использовал в качестве ведущей туда двери сознание душевнобольного человека, обратил повествование в «бред» того, кто заблудился во времени и путешествует по истории человечества, проникая все дальше и дальше в ее тайны. «Бред» выступает как эстетическая категория, неприменный атрибут творчества, его бессознательно-иррационального начала. Вдохновенное некими потусторонними силами несвязное бормотание включает в себе знание некоей высшей правды. Достаточно вспомнить трактуемое как творческий прием в статье Б. М. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» и в книге В. В. Набокова «Николай Гоголь» «гениальное бормотание» Гоголя или прием «драматизации бреда» у Достоевского, отмеченный А. Л. Бемом.

Вслед за своим заблудившимся во времени героем Набоков попадает в пушкинскую эпоху. Перед ним оживший Пушкин, тот, каким мы его себе и представляли: цилиндр, тросточка, развевающийся плащ. Все это «правдоподобно» и автора устраивает («я плачу актеру, играющему эту роль»). В этом как раз и реализуется основная задача мифа – «оживление» героя, но Набоков разочарован: ему нужна «правда», а не «правдоподобие». Стре-

мясь к «правде», он в своем эссе восстанавливает образ поэта, опираясь на его творческую биографию.

Идея представить живого Пушкина, написать произведение, в котором он был бы действующим героем, владела и сознанием А. Г. Битова – в повести «Фотография Пушкина» (1985) он обращается к опыту Набокова, идет по его следу: прямо не называя имени предшественника, указывает на него через «знаки и символы» его творчества.

Битов развивает тему «оживления», «фотографической» достоверности личности поэта. Попытка проникнуть в жизнь Пушкина, пунктирно намеченная в небольшом эссе Набокова, под пером Битова развертывается в повесть, иронически реализующую метафору зримого оживления. Имплицитно повесть Битова связана с текстом предшественника через образ рукописи, шевелящейся от бабочек: «У меня шевелятся и ползают листки рукописи от множества бабочек, налетевших на мой свет» [3]. Коллекционирование бабочек – любимое увлечение Набокова – своеобразный индикатор присутствия писателя. И этот символ (а говорить о Набокове вслух в то время еще было нельзя) использован Битовым для указания на того, кто стоит за замыслом тех слов, на которые слетаются бабочки: «Человечество тоже живет своей частной жизнью, скрытой от глаз посторонних, – это и есть история. Подглядывать в эпоху – опоздали-с» (с. 505).

Действие в повести Битова происходит в вымышленной реальности, накануне 300-летия со дня рождения Пушкина. Ученые обеспокоены тем, как достойно отпраздновать знаменательный юбилей; почти назойливо звучит вопрос: *А что бы сказал Пушкин?* – по сути, реализующий идею «проверить себя» Пушкиным. Ощутима явная параллель с Владимиром Набоковым, который свое творчество «взвесил на пушкинских весах».

Фантазмагорический характер повести обусловлен атмосферой гротескного сочетания процессов де- и ремифологизации феномена Пушкина. С одной стороны, мифологизация имени – Петербург, поэзия, юбилей; с другой – параллельно проводимое снижение (ироническая реализация метафор: «Пушкин как живой», «Весь я не умру»), «И назовет меня всяк сущий в ней язык»). Патину мифологизма снимает иронично шаблонизированный подход к штампам юбилейной речи. И здесь Битов идет по следам Набокова: в эссе Набокова говорится, что Пушкин не только стал «привычкой русского сознания», но и многократно подвергался снижающим его образ оперным, балетным, пародийным переделкам произведений, испытанию набором банальностей и расхожих идей.

Образ поэта, как и сюжет повести, строится на смешении высокого / низкого, популярного / элитарного, фантастичности / реальности бытия. Мифологический подтекст прослеживается в идее «оживления» виновника торжества: использован прием дословной реализации метафоры – увидеть «живого Пушкина», перенестись в его эпоху через

пространство и время: «Мы сможем в будущем, и не такое, господа-товарищи, заснять всю жизнь Пушкина скрытой камерой, записать его голос, представляете, какое это будет счастье, когда каждый школьник сможет услышать, как Пушкин читает собственные стихи!» (с. 489). Повод для подобной авантюры – то, что для празднования юбилея необходимы «фотография» и запись голоса поэта. Игорь Одоевцев, внук того самого Лёвы Одоевцева из «Пушкинского дома» [4], по секретному заданию командирован в Россию XIX века.

То временное расстояние, которое Набоков преодолел, введя мотив прогрессирующей душевной болезни персонажа, проносится перед читателями и Игорем Одоевцевым в виде готовых знакомых картинок: Гоголь в Риме перед фотоаппаратом (напомним, что цель Игоря – раздобыть увеличенную фотографию Пушкина), неназванный, но легко узнаваемый Блок на берегу Финского залива: «Лодка с разгона, шурша, ткнулась в песок, юноша выпрыгнул и подтянул ее к берегу <...> стройный» (с. 497).

И вот, наконец, долгожданная пушкинская эпоха. Но Игорь Одоевцев замечает, что видит лишь то, что знал, и так, как знал это по книгам: «Он видел только цитаты из того, что знал, остальное (все!) складывалось в сплошной и опасный бред совершенно иной и недоступной реальности» (с. 503). В конце концов, наш путешественник потеряет здравый ум и окажется безумцем, подарившим Пушкину сюжет стихотворения «Не дай мне, Бог, сойти с ума...». Тут снова переключка с Набоковым, представившим заманчивое путешествие вглубь веков в форме бреда, душевной болезни – отправившим в путешествие сквозь время человека сумасшедшего.

Таким образом, Игорь не в состоянии увидеть живого Пушкина: он видит только то, что ему говорили о Пушкине, т. е. сформировавшиеся в тот или иной момент истории мифы. Живой поэт остался в своей эпохе.

Пушкинские тексты Битова и Набокова сближены. Мечта о невозможном порождает мифологическую схему их тем и сюжетов: оживление прошлого, проникновение за пределы времени и реального пространства, безграничность творческого воображения, недостижимость гения, тщетность попыток проникнуть в тайну его личности, в тайну самой истории. Жанровым своеобразием произведений задан и подход к ресемантизации мифа о культурном герое, центральной фигуре в сознании наших образованных соотечественников Нового времени.

Литература

1. *Набоков В. В.* Пушкин: правда или правдоподобие. URL: <http://lib.ru/NABOKOV/Pushkin.txt>
2. Там же.
3. *Битов А. Г.* Новые сведения о человеке: Роман. Повести. М., 2005. С. 504. Далее повесть «Фотография Пушкина» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках.
4. *Битов А. Г.* Пушкинский дом. СПб., 1999.

K. A. SEMUSHINA. TRADITIONS OF NABOKOV'S MYTH ABOUT PUSHKIN IN A. G. BITOV'S NOVEL «PHOTO OF PUSHKIN»

Evolution of the myth about Pushkin in works of V. V. Nabokov and A. G. Bitov is considered in the article.

Key words: V. V. Nabokov, A. G. Bitov, myth about Pushkin, sign, demythologization, archetype.